

Е. В. Илюшечкина
(РАНХиГС, Москва)

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КОММЕНТАРИЯ КЛАВДИЯ САЛМАЗИЯ К ТЕКСТУ ГАЯ ЮЛИЯ СОЛИНА

В 1629 г. в Париже вышло издание *Collectanea rerum memorabilium* Гая Юлия Солина с подробнейшим филологическим комментарием ученого-гуманиста Клода де Сомеза, или Клавдия Салмазия (1588–1653), в котором он, отталкиваясь от текста Солина, изменял и исправлял неверные чтения «Естественной истории» Плиния Старшего, основного источника компиляции Солина. Высокий уровень филологического знания и общей эрудиции Салмазия сразу поставили и его *opus magnum*, и его самого в один ряд с самыми выдающимися европейскими учеными-гуманистами конца XVI–XVII вв. В статье на материале отрывков из предисловия Салмазия к *Exercitationes plinianaе in Solinum*, четырех писем Салмазия и его биографии, написанной Антонио Клементием, предпринимается попытка взглянуть на творческую историю работы ученого над комментарием.

Ключевые слова: Клавдий Салмазий, Плиний Старший, Гай Юлий Солин, *respublica litteraria*.

Е. V. Ilyushechkina
(Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow)

From the history of the Preparations of the Commentary on Gaius Iulius Solinus by Claudius Salmasius

In 1629, Gaius Iulius Solinus' *Collectanea rerum memorabilium* was published in Paris with a detailed philological commentary by humanist scholar Claudius Salmasius (Claude de Saumaise, 1588–1653). In this work Salmasius, relying on Solinus' text, modified and corrected unclear readings in the *Historia naturalis* by Pliny the Elder, the main source of Solinus' compilation. The high level of philological knowledge and general erudition of Salmasius immediately put both his *opus magnum* and himself in one rank with the most prominent European humanist scholars of the 16–17 centuries. This article, based on excerpts from Salmasius' *Prolegomena* to his *Exercitationes plinianaе in Solinum*, four letters of Salmasius and his biography, written by Antonio Clementio, is an attempt to look at the creative «kitchen» of the scholar during his work on the commentary.

Published scientific works of the humanists from the «Republic of Letters» in the 17th century became socially motivated, and their publications and speeches could serve as a basis for public success, as it has happened with Salmasius. The whole his life he gave priority to his own scientific activity and, as far as possible, seek after the status of an independent «humanist». Devoting himself to academic studies,

Salmasius, due to the ill-will of some university professors, was forced to leave Leiden University in 1650. Salmasius' letters to his colleagues H. Vossius (1577–1649) and H. Grotius (1583–1645) from 1629–1630 (for the first time translated for this article from Latin into Russian), contain interesting information and details regarding the publication of his commentary on Solinus and thus on Pliny the Elder.

Keywords: Claudius Salmasius (Claude de Saumaise), Pliny the Elder, Gaius Iulius Solinus, Respublica litteraria.

В посмертной биографии Клавдия Салмазия (латинизированное имя Клода де Сомеза, 1588–1653) его ученик де ла Мар пишет, что работу над изданием текста Солина и развернутым комментарием к нему Салмазий начал еще в период пребывания в Гейдельберге в 1606 г., где, среди прочего, обнаружил в университетской библиотеке неизвестный ранее список Палатинской антологии¹. В дальнейшем Салмазий продолжил работу по составлению комментария в загородном доме под Парижем, которая завершилась изданием фундаментального труда в 1629 г.².

Надо сказать, что еще до издания Салмазия появился ряд латинских комментариев к тексту Солина, авторами которых были Иоганн Камерс (Wien, 1520), М. Аккурсий (Roma, 1524), Иоганн Опорий (Basel, 1595), Себастьян Мунстерий (Basel, 1543), Георг Драудий (Frankfurt, 1603) и Якоб Грассерий (Leiden, 1609); причем издания двух последних гуманистов в этом списке были опубликованы за несколько лет до выхода в свет оригинального труда Салмазия³.

Сведения о первоначальном замысле Салмазия прокомментировать энциклопедический труд Плиния Старшего и о том, как Салмазий пришел к решению ограничиться комментарием к компиляции Солина с тем, чтобы помимо текста Солина внести новые чтения в текст Плиния Старшего, подробно изложены им самим в Prolegomena к его *Exercitationes plinianaе*. Ниже впер-

¹ В письме Казобону от 5 февраля 1607 г. Салмазий сообщил об открытии списка Палатинской антологии; 15 февраля 1607 г. Казобон пишет Скалигеру о замечательной находке, о которой Скалигер уже знал из письма университетского библиотекаря Яна Грутера. В дальнейшем Салмазий списывается со Скалигером и обсуждает с ним в письмах планы издания Палатинской антологии, см. Botley and van Miert 2012: 72 ff. Подробно см.: van Miert 2011.

² Cl. Salmasii Plinianaе exercitationes in Caii Ivlia Solini Polyhistora. Item, Caii Ivlia Solini Polyhistor ex veteribvs libris emendatvs eiusdem Salmasii opera. 2 vols. Parisiis apvd C. Morellvm, 1629¹; 1689², Utrecht.

³ Milham 1986: 73–74.

вые публикуется русский перевод части предисловия Салмазия, написанного на латинском языке⁴:

«Я признаю, что когда я решился приступить к разработке этих “Изысканий” (*Exercitationes*), я посчитал ценным принять во внимание только то, что прежде отметил у Плиния [Старшего], чтобы дать для всеобщего достояния некий пример и предложить словно пробный образчик отложенному до поры до времени, что было у меня на уме и под рукой в разных произведениях Тертуллиана, в канонах Либеринского собора и в Комментариях ко всеобщей обрядовой истории патриархальной церкви. Состояние моих дел и занятий было таким, что при случайной перемене моей прежней жизни, которую преподнесла мне судьба, я выбрал пребывание в деревне, как водится, в условиях тишины и покоя, которых нигде более не смог бы найти и которым едва ли не самым лучшим образом подходят подобные занятия. При таком сельском досуге меня не отвлекали неотложные дела, и сколько бы я не желал претерпевать собственные недуги, по крайней мере, невозможно было избавиться от них иным способом, как только переносить эти страдания, как того требовали от меня лень и возраст.

И все же на душе у меня было тревожно, поскольку такую необъятную громадину, каким представляется Плиний [Старший], охватить целиком невозможно; я принял на себя труд решить эту проблему лишь отчасти, ведь вполне с такой задачей ни один человек, полагаю, не справится, как бы ни старался и сколь долго бы ни жил. А я положил на этот труд не более года, во всяком случае, не более двух лет. Ведь Плиний подобен безбрежному океану: в какую бы сторону ни отправиться, переплыть его у меня не хватит сил, сколь ни казалось бы это делом легким, переплыв его и достигнув края, снова возвратиться оттуда домой. Тогда я решил идти наилучшим путем: избрать какую-то часть, изъяв ее из целого произведения, вокруг которой и сосредоточить свои усилия. Не без колебаний взялся я за эту работу, споря с самим собой, насколько такое возможно. Я то останавливался на книге [Плиния] о камнях, то на книгах о деревьях, а то – на рассказах о травах. Порой задумывался о первой книге [Плиния], которая дает представление

⁴ Подробнее об условно-риторической форме предисловий ученых гуманистов XVI–XVII вв. см.: Enenkel 2015: 22–49. О семантике латинской лексики и фразеологии, характерных для писателей-гуманистов XVII в. см. также: Nikitinski 2017.

обо всем его труде и перечисляет его источники; или же думал восстановить многие части утраченного и исправить ошибки: затем расположить в надлежащем порядке все то, что подлежит осмыслению и измерению, а также истолковать все, что исключительного и достопамятного случается в мире. В конце концов, остановился я на последнем, где [Плиний] описывает самые разные местности земли, то есть – на географии. Еще совсем недавно я намеревался рассмотреть седьмую книгу [Плиния] о природе человека, в которой содержится много такого, что мне хотелось бы прояснить. Между делом, я то загорался этим, то остывал, и уже почти успокоился, как вдруг случайно наткнулся на [произведение] Солина, которого я давно, еще мальчишкой, с усердием исправлял в разных [рукописных] списках. Обнаружив этого автора, раздумывал я недолго, какую именно часть мне взять из [произведения] Плиния, откуда начать, чем закончить, где и каким образом мне на этом море поднять паруса. Тотчас захотелось мне взять его [Солина] вожатые, так как этого автора никто не знает, и нет у него ничего, чего бы он не позаимствовал из Плиния. Однако, из всех книг Плиния, он [Солин], насколько смог, собрал все в кучу и включил в свою выжимку. Как бы он [Солин] не заявлял открыто лишь о географической части, которую скомпилировал, вынужден был кратко все излагать и рассказывать более охотно о местностях, которым следовал Плиний и о которых упоминал, но всюду описывал их не так, как у Плиния: ведь при описании деревьев, камней и зверей разных экзотических стран он [Солин] все искусно собрал и в нужных местах ловко возвращался к произведению Плиния, чтобы самим этим разнообразием затушевать то, о чем сам же открыто заявил. Тем не менее, имя Плиния [Солин] везде скрыл, захотел разместить в своей книге все, что достойно упоминания, но о самих [античных] авторах не упоминать» (*Prolegomena in Solinum // Salmasius 1629: 4*).

Научная деятельность гуманистов как авторов сочинений на латинском языке по юриспруденции, политике или изданию античных текстов и их комментированию могла не приносить регулярного дохода. Тем не менее, публикации гуманистов нередко обращали на себя внимание придворной элиты, что, в свою очередь, могло обеспечить место профессора в одном из европейских университетов или при дворе, регулярный доход и при благоприятных жизненных обстоятельствах способствовать карьерному росту. Иными словами, появление в печати научных трудов гуманистов «республики ученых» становится в

XVII в. социально мотивированным, а их публикации и выступления могут служить основанием общественного успеха, как это случилось и с Салмазием⁵.

И все же, судя по переписке Салмазия с друзьями и коллегами, он отдавал приоритет научной деятельности и, насколько возможно, стремился к независимому статусу ученого-гуманиста. По всей видимости, его тяготили обязанности преподавателя (от которых, впрочем, ректор Лейденского университета освобождал Салмазия) и он, несмотря на усилия, предпринимаемые Ришелье, Мазарини и самим Людовиком XIV, все-таки уклонялся от весьма выгодных предложений французского двора. Не секрет, что гуманисты нередко совмещали преподавательскую деятельность или службу в качестве дипломата (как, к примеру, современник Салмазия Гуго Гроций, представляющий во Франции королевство Швеции) с деятельностью пишущего ученого, которая выступала в таких случаях как дополнительная и сопровождающая основной род занятий.

Позиция Салмазия, заслуженно прозванного полигистором, т. е. эрудитом в различных областях знания, была вполне определенной: невзирая на общепринятые способы построения ученой карьеры, Салмазий содействовал реализации собственных устремлений и публикаций – позиция, возможно, и менее выигрышная по сравнению с позицией придворного, однако, более соответствующая характеру и наклонностям уроженца Бургундии. Стоит ли удивляться, что, посвятив себя всецело ученым занятиям, Салмазий из-за недоброжелательства университетской профессуры вынужден был уйти в 1650 г. из Лейденского университета.

Ниже приведены фрагменты четырех писем Салмазия своим коллегам – Герхарду Фоссию (1577–1649) и Гуго Гроцию (1583–1645). Эти письма Салмазия за период 1629–1630 гг., впервые переведенные с латинского на русский язык, содержат

⁵ Научные сообщества гуманистического типа, и, прежде всего, европейскую «республику ученых» следует рассматривать в качестве особой формы корпоративного сотрудничества, которая отличалась от институций вроде академий, университетов или литературных салонов сер. XVI–XVII вв. С некоторых пор, понятием *Respublica litteraria*, или «республика ученых», стали обозначать сообщество ученых, которые, невзирая на границы между странами и разницу поколений, конфронтацию католической и протестантской конфессий, гражданские войны, стремились к взаимовыгодному сотрудничеству между учеными, исповедуя принципы солидарности и гуманистические идеалы. См. Fumaroli 2018: 65–81.

любопытные сведения и подробности обстоятельств сразу после выхода в свет комментария Салмазия к текстам Плиния и Солина, например, о его занятиях арабским языком для комментирования книг античных авторов, а также соображения по поводу трудов с коллегами-филологами.

Из письма Салмазия Фоссию 14 августа 1629 г. (*epist.* 14)⁶:

«Однако определено прежде следует допечатать к первым двум третью часть “Плиниевых изысканий”; она бы давно уже вышла, имей я здесь кого-то, кто мог бы печатать по-арабски. Поскольку в этой [третьей] книге я попытался открыто показать не только промахи, которые Плиний допустил в части о растениях, но и те ошибки, что возникли при переводе с арабского на греческий в той же части [о растениях]. Ради этого я в последние месяцы целиком посвятил себя изучению арабского языка, в овладении которым преуспел бы намного больше, если бы слышал вживую говорящего по-арабски. Я таким образом выучил греческий, а арабский не труднее греческого, и после того, как сделаны первые шаги, в самом деле начинаешь в нем разбираться. До меня доходят слухи, что ты серьезно размышляешь об этимологическом словаре латинского, или эолийского языка, который как диалект сформировал весь древний пласт – за редким исключением – латинского языка [речь идет об изданном посмертно труде Gerardi Joannis Vossii *Etymologicon Linguae Latinae*, Amstelodami 1662 – Е. И.]. В своих “Плиниевых изысканиях” я по случаю коснулся некоторых происхождений [слов], и если бы я был с тобой одного мнения, я мог бы кое-что объяснить, что, насколько я знаю, ни тебе, никому другому не могло прийти в голову; не то, чтобы у меня было больше разумения или чутья, но потому, что по счастливой случайности я раньше тебя натолкнулся на это в сочинениях древних, что тебе не удалось увидеть».

Из письма Салмазия Гроцию в Париж 1 мая 1630 г. (*epist.* 16)⁷:

«Удивительно, дражайший Гроций, что так давно ничего не видел из твоих [писем], да и ты не ответил на те, что прежде я отослал тебе. Между тем, хотелось бы мне знать о нашем издании Флора: то ли оно в немецкой типографии, то ли в вашей батавской [нидерландской]. Обе не торопятся. В Германии есть некий автор Бернеггер [*Matthias Bernegger (1582–1640)*,

⁶ По изданию Clementio 1656: 31–33.

⁷ По изданию Clementio 1656: 34–35.

Страсбургский профессор, историк и математик – Е.И.], от которого я в этом году не дождался никакого ответа – так и не смог узнать, получал ли он мои “Плиниевы изыскания”, которые я ему выслал....».

Из письма Салмазия Фоссию в Амстердам 1 июня 1630 г. (*epist.* 19)⁸:

«На твое письмо, которое получил позавчера, я ответил немедля, драгоценнейший Фоссий; в письме ничего особенного, кроме извинений и [перечня] причин, почему я не отвечал. Отдых, которым я здесь наслаждаюсь, хотя и в избытке, способствует тому, чем я занимаюсь или что намерен предпринять. Когда я доберусь до Парижа, буду готовить третью часть “Изысканий” и выдержки из нее, уже не касающиеся Солина. Я теперь занят им; однако, он продвигается медленно, да и себя я щажу, поскольку прихожу в себя после лихорадки каждые четыре дня, которая упражняется на мне уже четыре месяца. Пошел второй месяц, как я от нее освободился, однако осталось отвращение к занятиям, да и прежнее усердие мое она подпортила. Том *Oratoriae*, за который я тебя благодарю, я еще не получил, но по получении должен отослать обратно, поскольку то, что вышло из-под твоей руки, было и моим. Почему бы тебе не поблагодарить меня за отосланные книги моих “Изысканий”, если только ты не страшишься рассматривать огромный том в качестве тяжелой обузы. Однако, почему ты должен быть лучше моих друзей, на которых эта тяжкая обуза свалилась. Если же там обнаружится что-то дельное, я бы не хотел, чтобы твои замечания оказались в ненадлежащем месте просто потому, что никто, учитывая твои заслуги, тебе раньше этого не указал. Я уже было запечатал то, что следовало тебе отослать, но раскрыв ящик для рукописей, добавил еще и то, о чем надо позаботиться в первую очередь. Меня беспокоит, что [работа] еще не закончена».

Письмо Салмазия Фоссию в Амстердам, декабрь 1630 г. (*epist.* 24)⁹:

«К твоим письмам, ученейший Фоссий, приглашающим меня устремиться к скалигеровскому наследию, я охотно прислушиваюсь. Хотел бы я оказаться в таком положении, чтобы все, чем я обладаю, раздать по частям, изменить собственную судьбу, лары свои разместить у вас и общаться с

⁸ По изданию Clementio 1656: 40–41.

⁹ По изданию Clementio 1656: 50–52.

вами. Тесное общение и дружба с вами представлялась мне достаточной наградой для переезда, и я не желал бы ничего более. Я счастлив, что столь ученейшие мужи, которые там проживают, одаривают меня дружбой в наших беседах <...>. Как было бы хорошо с моей стороны, приняв предложение, встретить старость на месте, где есть свободное время для занятий наукой, чтобы всецело отдаться этой работе <...>. Довольно того, что ты благодаришь меня за мои “Изыскания”. Довольно и того, что ты мне переслал в качестве подарка отзывы об этой моей работе, которыми уже доставил мне счастье. Труд этот, если не считать его тяжким бременем, едва ли я смогу оценить [по достоинству]. Он, безусловно, значителен. Вдобавок к собственным ошибкам я получил еще целую кучу типографских опечаток. Иначе и не могло быть, поскольку меня не было в городе [sc. в Париже] по причине моего сельского заточения, где я работал в условиях чрезвычайной нехватки книг, которые доставляли мне с величайшими трудностями. Собираюсь дополнить третью часть, в которой обнаружил и ошибки Плиния, и даже ошибки наших Гербариев; теперь уже было бы все готово, если бы я оставался в Париже. Я приостановил работу над этим произведением по причине нехватки книг, по преимуществу арабских. Нынче мало врачей, знакомых с арабским языком, если они вообще есть. А из тех, кто понимает по-арабски, не знаю никого, кто изучал бы «Гербарий» и медицину».

Вскоре после его кончины Салмазия причисляют к ученым с судьбоносной биографией; одна из ранних биографий Салмазия на латинском языке написана церковным пастором Антонием Клементием, который первым собрал несколько десятков писем ученого и издал их¹⁰. Портрет Салмазия маслом, вместе с

¹⁰ Vita Salmasii // Clementio 1656: III–LXIV. Ср. оценку Клементием фундаментального комментария Салмазия к труду Плиния Старшего сквозь призму текста компиляции Солина (р. XXXV): «Уже громко прославилось во всем мире имя Салмазия. Не только ученые так считали и воздали ему должное, но вознеслось оно до небес и в дальних странах; достигло оно и всех прочих королевств. Одни претендовали на него самого, другие желали видеть у себя. Заманчивыми условиями сначала его завлекли вены: полагали, что он примет предложение занять постоянное место в Патавии (совр. Падуя). И поскольку от публичных лекций он отказывался, потому что они мешали задуманной будущей работе, отказался он и от тысяч золотом, поскольку согласно условиям (об этом мы узнали совсем недавно) он обязан был трижды в год читать лекции. Тактично отказавшись и поблагодарив

другими портретами гуманистов, находился в домашней галерее Никола-Клода Фабри де Пейреска (Miller 2000: 9). Позже было создано жизнеописание Салмазия, написанное его учеником Филибером де ла Маром (один экземпляр этой до сих пор неизданной рукописи хранится в Национальной библиотеке Франции, другой – в университетской библиотеке Дижона).

Настоящей публикацией я хотела рассмотреть ряд свидетельств о научном труде Салмазия в период его работы над обширнейшим комментарием через призму произведения Солина на «Естественную историю» Плиния. Труд этот стал выдающимся памятником гуманистической филологии начала XVII в.

Литература

- Botley P., van Miert, D. (eds.) 2012: *The Correspondence of Josef Justus Scaliger*. Genève, Droz.
- Clementio, Antonio (ed.) 1656: *Claudii Salmasii, viri ill., epistolarum liber primus, accedunt de laudibus et vita ejusdem prolegomena*. Lugduni Batavorum, ex Typographia Adriani Wyngaerden.
- Enenkel K. A. E. 2015: *Die Stiftung von Autorschaft in der neulateinischen Literatur (ca. 1350 – ca. 1650): zur autorisierenden und wissensvermittelnden Funktion von Widmungen, Vorworttexten, Autorporträts und Dedikationsbildern*. Leiden, Brill (= *Mittellateinische Studien und Texte*, 48).
- Fumaroli, M. 2018: *The Republic of Letters*. Yale University Press, New Haven and London.
- Miert van, D. 2011: Josef Scaliger, Claude Saumaise, Isaac Casaubon, and the Discovery of the Greek Anthology. In: *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes* 74, 241–261.

их открыто, а также и частным образом, он неожиданно ответил им своими «Плиниевыми изысканиями по тексту Солина» (*Exercitationes Plinianaе in Solinum*). Каких только хвалебных отзывов, как тезаурусу, насколько возможно, не доставало этому его произведению?! Труд этот Беверовиций [латинизированное имя Йохана ван Бевервика (1594–1647), врача и автора трудов по медицине – Е.И.] называет божественным, другие – необыкновенно ученым; иным из наших ученых понравилось сравнивать его с безбрежным морем. Короче говоря, я в растерянности. И ум мой объят трепетом, когда пытаюсь обзреть его целиком. Некогда точно заметил племянник Плиния [*sc. Плиний Младший*] об «Естественной истории»: «произведение обширное, как сама природа» (Plin. Ep. V 5, 6). И если б он был нашим соотечественником и жил бы в наше время, будучи способным и выдающимся в оценке ученых, что бы он сказал об *Exercitationes*? И особенно о том, где его потомок [*sc. Салмазий*] настолько преуспел в исправлении «промахов» и так много разглядел и выявил «ошибок», как обоснованно и проникательно решил, что именно следует исправить у Солина».

- Milham M. E. 1986: C. Julius Solinus. In: F. E. Granz et al. (eds.) *Catalogus Translationum et commentariorum. Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries (CTC)*. Vol. VI. Washington, 73–85.
- Miller, Peter N. 2000: *Peiresc's Europe: learning and virtue in the seventeenth century*. New Haven etc.
- Nikitinski, O. 2017: *Lateinische Musterprosa und Sprachpflege der Neuzeit 17. – Anfang des 19 Jhs. Ein Wörterbuch*. Leiden, Brill.
- Salmasius Cl. (ed.) 1629¹: *Plinianae exercitationes in Caii Ivlii Solini Polyhistora. Item, Caii Ivlii Solini Polyhistor ex veteribvs libris emendatvs eivsdem Salmasii opera*. 2 vols. Parisiis apvd C. Morellvm. 2 vols. Paris (1689² Utrecht).